

охранительный характер».⁹ Гончаров не одобряет «известную публике программу торжества» и напоминает в этой связи о том, как прошел недавний юбилей тоже высоко им чтимого Ломоносова: «Скажут, что Карамзин не Ломоносов, он не начинатель великого дела просвещения в России < . . . > Так; но кому же, после Ломоносова, принадлежит бóльшая доля деятельности в совершении подвига, начатого Ломоносовым, как не Карамзину, проводнику знания, возвышенных идей, благородных, нравственных, гуманных начал в массу общества, ближайшему, непосредственно действовавшему еще на живущие поколения двигателю просвещения?» (VIII, 207—208). Перед нами не набор эпитетов, а, как всегда у Гончарова, четко выверенная оценка. Называя Карамзина «проводником знания» и акцентируя его гуманизм, автор заметки подчеркивает и патриотизм, народность писателя и историка Карамзина. Отсюда и новый, весьма важный оттенок мысли: «На празднике в память Карамзину должна присутствовать вся наша наличная литература < . . . > значение и характер праздника требовали бы, чтоб большинство писателей, начиная с старейших до новейших, публично принесли каждый свою лепту в память нашего просветителя. Казалось бы справедливым, чтоб и на этом вечере, как на празднике Ломоносова, все присутствующие в городе литераторы столпились единодушно, забыв разность литературных эпох, направлений и оттенков. . . » (VIII, 208). В данном случае Гончаров выдвигает типично либералистское требование единства нации, наиболее выразительно сформулированное в его очерке «Литературный вечер», где старик Чешнев говорит: «. . . русский народ исполняет < . . . > свою великую и национальную и человеческую задачу и < . . . > в ней ровно и дружно работают все силы великого народа, от царя до пахаря и солдата! < . . . > Барин, мужик, купец — все идут на одну общую работу, на одно дело, на один труд, несут миллионы и копейки < . . . > Перед вами уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики — одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя — Россия!» (VII, 106). Юбилей Карамзина представлялся Гончарову удобным для подобного единения в силу не только масштаба фигуры Карамзина, но, и, главное, сугубо патриотического характера его деятельности на благо России. В статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин писал: «Во всех обширных странах российских надобно питать любовь к отечеству и чувство народное < . . . > Мне кажется, что я вижу, как народная гордость и славолюбие возрастают в России с новыми поколениями!»¹⁰ «Проводник знания» и патриот, издатель «Вестника Европы» и в то же время автор «Истории государства Российского», Карамзин представлялся Гончарову фигурой, идеально примиряющей современные противоречия русской жизни, —

⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 4-е изд. СПб., 1908. С. 187.

¹⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 112—113.